

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391

EDN: SMXPSU

Научная статья

Компрессия языковой формы в современной русской речи

Е.М. Маркова

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва, Российская Федерация
Экономический университет в Братиславе, Братислава, Словацкая Республика
✉ elena-m-m@mail.ru

Аннотация. Компрессивное словообразование является результатом активизации тенденции к экономии речевых усилий и, соответственно, экономии языковых средств, что делает актуальным его исследование. На лексическом уровне закон экономии реализуется в стяжении, усечении, семантической конденсации, т.е. процессах, основанных на сокращении, минимизации структур. Цель исследования — поиск и фиксация проявлений данной тенденции в современной русской речи, обобщение способов языковой компрессии как механизмов ее репрезентации, установление их универсальности и специфики русского языка в общеславянском контексте. Материалы исследования: интернет-ресурсы, словари неологизмов, национальный корпус русского языка, речь молодежи. Анализ материала проводился с использованием общенаучных методов: сбора соответствующего материала, наблюдения, анализа, систематизации, описания, интерпретации, и собственно лингвистических методов: словообразовательного, компонентного, контекстуального, сопоставительного анализа; структурно-семантического; моделирования производящей основы. Называя экстралингвистические и лингвистические причины активизации компрессивного словопроизводства в качестве важнейшего фактора, автор указывает на влияние английского языка, выступающего как в роли донора кратких лексических единиц, так и транслятора способов и механизмов деривации. Среди компрессивных явлений в современной речи рассмотрены заимствования, словосложения, композиты, клиппинги, деривация с нулевой аффиксацией, универбация, семантическая конденсация. Установлено, что в результате компрессии формы не только усиливается ее коммуникативная функция, но и, в силу прагматических возможностей компрессива, повышается его эмоционально-оценочная, а также релятивная функции. Сделан вывод об универсальном характере основных проявлений компрессии формы в современной русской речи и одновременном наличии в них ряда специфических черт, обусловленных национальной спецификой деривационной системы.

Ключевые слова: словообразование, стяжение, усечение, универбация, русский язык, универсалии, языковая специфика

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию: 05.02.2024; принята к печати 11.04.2024.

Для цитирования: Маркова Е.М. Компрессия языковой формы в современной русской речи // Русистика. 2024. Т. 22. № 3. С. 375–391. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391>

© Маркова Е.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Введение

Заимствование и словопроизводство — основные пути обогащения словарного запаса любого языка. Новые слова создаются из существующих элементов языка по продуктивным в языках моделям в результате действия частотных в каждом языке способов деривации. Изучение этих процессов предполагает выявление их универсализма и национального своеобразия.

Ускорение научно-технического прогресса и жизни в целом неизбежно приводит «к потребности в массовой номинации (создании новых названий), в совершенствовании существующих языковых форм в целях более полного удовлетворения потребностей коммуникации в новых условиях» (Плетнева, 2005: 105). Это ведет к компрессии коммуникативных средств, вызванной активизацией тенденции экономии речевых усилий и языковых средств. Действие закона экономии языковых средств признано лингвистами разных стран и направлений одной из движущих сил языковой динамики (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Г. Пауль, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба и др.). В соответствии с этим законом участники коммуникации стремятся к передаче максимального количества информации за минимальное время, что ведет к минимизации используемых средств языка. При таком подходе «экономия языковых средств» «выступает не как какое-то имманентное свойство языка, а как необходимое условие осуществления концентрирования информации в целях повышения эффективности общения» (Плетнева, 2005: 106). С этой точки зрения, определяющей функцией языка в действии рассматриваемого закона является коммуникативная.

Многие исследователи констатируют, что в последние три десятилетия возросло количество новых речевых единиц, образованных путем сокращения слов или словосочетаний при сохранении их значения (Нещименко, 2000; Děngeová, 2015 и др.). Формальное стяжение не является упрощением, «это способ упаковки информации, при котором формально более краткая единица становится способна выражать больший объем информации» (Норман, 2021: 88), «по сути дела, сгущение, уплотнение информации в единице текста» (Норман, 2021: 90).

Влияет на активизацию разного рода сокращений в языке не только все убыстряющийся темп жизни, но и массовое распространение мобильной связи и интернет-коммуникации. «Основные черты SMS-сообщения как жанра — краткость, сиюминутность и сильная зависимость от средства передачи информации — мобильного телефона, разрешающего лишь небольшой объем сообщения... Все эти черты, бесспорно, влияют на языковой облик текстовых сообщений. Как следствие, происходит трансформация процесса коммуникации и языка, обслуживающего эту сферу» (Володина, 2012: 54), что не может не сказаться на коммуникации в целом.

Нельзя обойти вниманием такой важный фактор продуцирования и функционирования кратких форм, как англоязычное влияние (Черчук, 2023; Шмидт, 2023; Furdík, 2005; Bozděchová, 2017 и др.). Повсеместное распространение английского языка с его лаконичностью, односложными словами, небогатым набором деривационных возможностей, тенденцией многократного использо-

вания одной формы в разных функциях воздействует на другие языки в плане внедрения в них своих лексем и способов их производства.

Говорить о языковых универсалиях или языковой специфике можно только на фоне другого (других) языков, поэтому нами привлекались для сравнения чешский и словацкий языки, наиболее стандартизированные из всех славянских языков в плане словообразования и исторически довольно «закрытые» в плане заимствований, в которых пуризм долгое время сдерживал их активное проникновение.

Цель исследования — выявить и зафиксировать проявления тенденции экономии языковых средств в современной русской речи, обобщить способы языковой компрессии как механизмы ее репрезентации, продемонстрировать их универсальный характер и специфические проявления в русском языке.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили интернет-ресурсы, словари неологизмов, национальные корпуса русского, чешского и словацкого языков¹, разговорная речь молодежи. При анализе материала использовались как общенаучные методы: сбор материала, наблюдение над ним, его анализ и систематизация, интерпретация, описание, так и собственно лингвистические: метод компонентного и контекстуального анализа (с целью установления семантико-прагматических характеристик лексических единиц); структурно-семантический метод (с целью выявления соотношения структуры и семантики); метод словообразовательного анализа (для определения моделей и способов образования неологизмов и их продуктивности); связанный с ним метод моделирования производящей основы; сопоставительный метод (с целью установления универсальности рассматриваемых явлений и национальной специфики русского языка).

Результаты исследования

На уровне лексики закон экономии речевых усилий и языковых средств проявляется в различных формах компрессии, основанных на минимизации, сокращении или сворачивании структур. Компрессивное словообразование предполагает образование единиц на основе сокращения первоначально более длинного слова, повторное использование языкового знака в новом значении, а также стяжение словосочетания, контаминацию слов в однословное наименование.

Среди экстралингвистических причин компрессионных процессов в сфере лексики можно отметить стремительные изменения в жизни общества, общение в чатах, влияние социальных сетей и других видов медиаресурсов, тяго-

¹ Национальный корпус русского языка: ruscorppora.ru (дата обращения 20.05.2024); Český národní korpus : <http://ucnk.ff.cuni.cz/index.php> ; <https://www.korpus.cz/biblio> (дата обращения 25.05.2024); База данных неологизмов чешского языка Neomat: <http://www.neologismy.cz/index.php> (дата обращения 28.05.2024); Slovenský národný korpus: <https://korpus.juls.savba.sk> (дата обращения 26.05.2024).

тение к нестандартным формам общения, глобальное влияние английского языка, воздействующего на другие языки как в виде прямых заимствований, кратких и лаконичных, свойственных этому языку, так и путем экспорта англоязычных способов словообразования: конверсии, универбации, семантической конденсации. К лингвистическим причинам относятся внутренние законы развития языка: конкуренции и борьбы синонимических средств языка, выравнивания языковых структур; тенденция к аналитизму; потребность в ритме и др.

В настоящее время краткие англоязычные наименования, отражающие процессы экономической, научно-технической и связанной с ними языковой глобализации, активно пополняют лексиконы современных славянских языков, не только русского, всегда «открытого» для заимствований, но и чешского и словацкого, «предпочитавших» довольно долгое время свое чужому, и одна из целей этого явления — компрессивная, заключающаяся в замене исконного более длинного наименования на краткое англоязычное.

Вместе с тем номинативная деятельность человека заключается не только в фиксации его когнитивного опыта в новых лексических единицах, но и в отражении в них его эмоций и оценок, формирующих прагматическую составляющую лексических единиц. Компрессивная форма помогает решить и эту проблему, так как она обладает большим прагматическим зарядом. В результате компрессии формы не только усиливается коммуникативная функция языка, но и, в силу большего эмоционально-экспрессивного потенциала компрессива, повышаются и его оценочная и релятивная (воздействующая) функции, что тоже значимо для общения в наши дни.

Среди разновидностей компрессии в современной речи можно выделить такие явления, как английские заимствования (заменяющие собственные длинные или составные номинации), словосложения, композиты, клиппинги (усечения), деривацию с нулевой аффиксацией, универбацию, семантическую конденсацию. Новообразования с нулевой суффиксацией (то, что в русской школьной традиции принято именовать бессуффиксным способом словообразования), производство которых активизировалось в последнее время в рамках компрессивного словообразования, можно считать, по сути, явлением, близким английской конверсии.

Обсуждение

Во всех языках в результате ускорения темпа жизни возникло много новых сокращений, призванных передать наибольшую информацию за наименьшее время. К факторам, способствующим продуцированию и распространению компрессивов, несомненно, относятся общение в чатах, влияние социальных сетей и других видов медиаресурсов, тяготение к необычным формам общения, глобальное влияние английского языка. По справедливому утверждению исследователей современного русского языка, для выявления тенденций его развития «необходимо показать их [новых фактов — Е.М.] системный характер» (Иванова, Клушина, 2021: 371). В рамках данного исследования проведена систематизация словообразовательных новаций, представляющих собой разного рода компрессивные явления как проявления активизации тенденции к экономии речевых средств.

Компрессивная функция английских заимствований

В усилении названной тенденции велика роль английского языка, который тяготеет к лаконичности. «Для английского языка лаконичные, однословные лексические единицы, так называемые „four-letter words“, считаются исторически естественными... В силу этой структурной особенности английского языка многочисленные заимствованные из других языков лексические единицы подвергаются процессу усечения, ассимилируясь к однословной структуре английского слова» (Ищенко, 2020: 97). Английский язык характеризуется преобладанием односложных единиц, минимальным количеством средств выражения, поэтому при ассимиляции в английском языке заимствования подлежат сокращению. И эту тенденцию английский язык, в силу глобального характера его влияния в наши дни, транслирует в другие языки, включая русский.

Исходными единицами в процессе языковой компрессии могут выступать как отдельные знаменательные слова, как правило, длинные, так и словосочетания. «Закономерности образования сокращений неразрывно связаны не только со структурой конкретного языка, но и с развитием языка как общественного явления. Важнейшим формальным признаком сокращений является их фонетически или графически мотивированная связь с нередуцированными формами» (Северова, 2018: 151).

Англицизмы используются не только для номинации нового явления, но и для замены более длинного или составного славянского наименования на более компактное заимствованное. Многие исследователи констатируют, что одна из основных функций заимствований в наши дни — компрессивная (напр., Нещименко, 2000; Черчук, 2023; Bozděchová, 2017).

Так, активно используются в наши дни рус. *хайп* вместо *шумиха*, *повышенное внимание к чему-л.*; рус. *хайдайвинг* вместо *прыжки в воду с экстремальной высоты*; рус. *кринж* для выражения усиленного чувства стыда, *кринжовый* ‘очень стыдный’ и др. В разных языках функционируют английские по происхождению рус. *кэш* — чеш., слвц. *cash*, рус. *патч* — чеш., слвц. *patch* ‘пластинка с различным наполнением для кожи вокруг глаз’, рус. *онлайн* — чеш., слвц. *online* ‘дистанционно’, рус. *дедлайн* — чеш., слвц. *deadline* ‘крайний срок’, рус. *фрилансер* — чеш., слвц. *freelancer* ‘человек, работающий свободно, из дома’, рус. *кежуэл* — чеш., слвц. *casual* ‘повседневный стиль одежды’, рус. *чартер* — чеш., слвц. *charter / čarter* ‘перелет, который заказывает туроператор для перевозки туристов’, рус. *дресскод* — чеш. *dress code* ‘стиль одежды для определенных мероприятий’, рус. *фудкорт* — чеш. *food court* ‘зона питания в торговом центре’, рус. *фреш* — чеш., слвц. *fresh / freš* ‘свежевыжатый сок’, рус. *хакер* — чеш., слвц. *hacker* ‘компьютерный взломщик’, рус. *стартап* — чеш., слвц. *start-up* ‘только что запущенный проект’, рус. *спа* — чеш., слвц. *spa* ‘оздоровительные водные процедуры’, рус. *апгрейд* — чеш., слвц. *upgrade / apgrejď* ‘модернизация, обновление компьютера’ и др.

В молодежном жаргоне широко распространены такие краткие и выразительные заимствования, как рус. *чил* ‘отдых’ наряду с глаголом *чилить* ‘отдыхать’ — чеш. *čilit* ‘отдыхать’ (из англ. *to chill*), рус. *батл* — чеш. *battle*

‘битва’, рус. *пранк* — чеш. *prank* ‘розыгрыш’, рус. *сейл* — чеш. *sale* ‘распродажа’, рус. *пруф* — чеш. *proof* ‘доказательство’, рус. *войс* — чеш. *voice* ‘голосовое сообщение’, рус. *фри* — чеш. *free* ‘свободный’, рус. *бро* (сокращение от англ. *brother* ‘брат’) — русифицированный американский жаргонизм, ближайший по смыслу к русскому ‘братан’, ‘друг’ и др. Некоторые из перечисленных единиц молодежного жаргона перешли в общепотребительную лексику, встречаются в медиа-сфере, в бытовой сфере и проч. (Черчук, 2023: 92), например, рус. *вайб* — чеш. *vibe* ‘душевная атмосфера’, рус. *лук* — чеш. *look* ‘образ’, рус. *лайфхак* — чеш. *lifehack* ‘трюк, навык, новаторский метод’, рус. *локдаун* — чеш. *lockdown* ‘домашняя изоляция в связи с пандемией’ и др.

При этом иноязычная единица, осваиваясь в языке-реципиенте, встраивается в иную лексическую систему, «претерпевает системные изменения» (Шмидт, 2023: 55), приобретает новые грамматические и семантические признаки. Например, слово *вайб* (от англ. *vibe* ‘атмосфера’) получило не только лексико-грамматические характеристики абстрактного имени существительного мужского рода, но и синтагматические связи с прилагательными: «летний *вайб*», «осенний *вайб*». Существительное *маст-хэв* / *мастхэв* ‘вещь, которую нужно обязательно иметь’ (от англ. *mast have* ‘должен иметь’) получило все признаки этой части речи в соответствии с внутренними законами русского языка: род, число, способность изменяться по падежам. Много компактных слов заимствуется с целью номинации новых явлений в сфере моды, одежды во всех языках, напр., рус. *свитишот* — чеш., словц. *sweatshirt* ‘спортивный свитер с круглым вырезом, без молнии и карманов’, рус. *худи* — чеш., словц. *hoodie* ‘толстовка с капюшоном’, рус. *лонгслив* — чеш., словц. *long sleeve* ‘футболка с длинным рукавом’ и др.

Слов, созданных от английских основ или на базе словосочетаний, одним из компонентов которого является англицизм, много среди глагольной лексики. Как правило, при общности корней они имеют неодинаковые аффиксы в разных языках, напр., рус. *глобализировать* — чеш. *globalizovat*, рус. *гулить* ‘искать при помощи системы Google’ — словц. *googlovat* / *gúglovat*, рус. *геймить* ‘играть в интернет-игру’ — словц. *gamovat*, рус. *лайкать* ‘ставить лайки’ — словц. *likovat* / *lajkovat*.

Среди русской глагольной лексики тенденция к компрессии языковой формы проявляется и в постепенном сокращении стяженной единицы, выражающемся в предпочтительном использовании все более короткого суффикса. Если некоторое время тому назад в сфере глагольного образования активно использовался суффикс *-ова-*, а также *-нич-* в русском языке, то в настоящее время более продуктивным в нем становится суффикс *-и-*, а также *-а*. Так, вместо *шопинговать* ‘совершать шопинг’ в последнее время стали употреблять в русской речи более короткое слово *шопиться*, вместо *админничать* (‘выступать в роли администратора’ от сокращения *админ* ‘администратор’) — *админить*, с этим же суффиксом широко употребительны рус. *шипперить* — ‘быть поклонником, следить за развитием отношений двух людей, выставляющих их напоказ в интернете’, рус. *флексить* ‘хвастаться, демонстрировать возможности’, рус. *геймить* / *гамить* ‘играть в компьютерную игру’, рус. *флудить* ‘вести пустые разговоры, говорить не по теме’ (от англ. *flood* ‘наводнение’), рус. *харасить* ‘издеваться над кем-л., унижать, мучить’ (*to harass* ‘беспокоить,

тревожить'), рус. *кэнселить* 'демонстративно игнорировать кого-л.' (от англ. *to cancel* 'отменить'), рус. *шеймить* 'стыдить кого-л., часто незаслуженно' (от англ. *to shame* 'стыдить, срамить'), рус. *троллить* 'издеваться' (от англ. *to troll* 'ловить на блесну'), рус. *селфиться* 'снимать самому себя на фото, делать селфи', рус. *спойлерить* 'портить впечатление' (от англ. *to spoil* 'портить'), рус. *хейтить* 'ненавидеть' (от англ. *to hate*) и др. В результате конкуренции суффиксов побеждает более короткий, компактный и удобный формант.

Известны в молодежной среде и некоторые специфические глаголы, связанные лишь в самом общем смысле с англоязычным источником и компактно вербализующие целую ситуацию, напр., рус. *аскать* 'просить деньги у прохожих на улице, часто исполняя рок-музыку под гитару' (от англ. *ask* 'просить, спрашивать'); рус. *войсить* 'записывать голосовые сообщения' (от англ. *voice* 'голос'); рус. *стримить* 'вести прямую трансляцию' (от англ. *stream* 'течение, поток'). Как видим, все они имеют ярко выраженную смысловую специфику в языке-реципиенте.

По мнению ряда ученых, влияние английского языка на русский язык (равно как и на другие славянские языки) привело к усилению тенденции к аналитизму в них (Маршева, 2004: 49; Петрухина, 2010: 424). Увеличивается количество иноязычных элементов, выступающих в русском языке в роли аффиксоида (напр. *бизнес*, *арт* и др.), в последнее время стали популярными префиксоиды *кибер-*, *крипто-* (Рацибурская, Жданова, 2021: 474). Появилось много новообразований и с несклоняемыми неадаптированными прилагательными типа рус. *онлайн-обучение*, *онлайн-курс* наряду с *обучение онлайн*, *курс онлайн* и т.п.

Влияние способов английского словопроизводства на неодеривацию в русском языке

Если говорить о продуктивности современных способов словопроизводства, то в английском интернет-сленге наиболее частотными способами неодеривации считаются аффиксация, словосложение и конверсия. В русском интернет-общении, по мнению его исследователей, также преобладают случаи аффиксации и словосложения (Лимарова, Сон, 2018), однако недооценивается, на наш взгляд, влияние конверсии как продуктивного способа деривации в английском языке на русское словопроизводство.

Термин «конверсия» как способ образования новых единиц впервые в российской лингвистике был описан А.И. Смирницким: «Конверсия есть такой способ словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова» (Смирницкий, 1953: 24). По мнению исследователей, «конверсионное словообразование встречается во многих языках, но в английском языке оно имеет особенно широкое распространение, что объясняется существованием небольшого количества производительных флексий частей речи» (Малинина, 2011: 21–23).

Благодаря конверсивному словопроизводству английский язык пополнился многочисленными новообразованиями: так, большинство французских глаголов, заимствованных в английский язык, имеют соотносимые с ними конверсионно существительные: *to catch* 'ловить; хватать' — *a catch* 'поимка; добыча, улов', *to turn* 'поворачиваться' — *a turn* 'поворот' и т.п.

В русском языке конверсия больше известна как морфолого-синтаксический способ словообразования, или переход из одной части речи в другую (см. напр., Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова и др.). Исходя из традиционного ее понимания в отечественной лингвистике и относя к ее разновидностям только субстантивацию, адвербиализацию и т.п., исследователи отрицают наличие случаев конверсии в русском интернет-сленге. Однако нам представляется, что образование пар типа: рус. *спам* ‘рассылка рекламных писем’ — *спамить* ‘рассылать рекламные письма’, *флуд* ‘малосодержательное объемное сообщение’ — *флудить* ‘писать большое сообщение не по теме’, *пост* ‘текст на электронных ресурсах’ — *постить* ‘размещать текст на электронных ресурсах’, *хейт* ‘проявление ненависти к творчеству или деятельности кого-л.’ — *хейтить* ‘проявлять ненависть’, *джоб* ‘работа’ — *дзобать* ‘работать’ и т.п. — спровоцировано воздействием конверсивного способа словопроизводства в английском языке (с соответствующим оформлением глагольной леммы по законам русского словообразования). По наблюдениям исследователей, «для современного английского языка характерен способ образования существительных путем конверсии из глагола с послелогом типа a start-up ‘запуск проекта’ (из to start up ‘появляться, запускать’)» (Малинина, 2011: 21–23), подобные соотносительные пары легко экспроприируются другими языками, однако с учетом национальной специфики. В частности, в русском языке конечное звено английской деривационной цепочки — имя существительное — становится начальным звеном для образования соотносительного глагола: *стартап* — *стартапить*.

Словосложения как разновидность компрессивов

В образовании и использовании сложных слов, композитов и квазикомпозитов также находит проявление тенденция к языковой экономии.

Велика роль аббревиации среди различных способов стяжения словосочетаний, не только двусоставных, но и многокомпонентных. Активны в средствах массовой информации, в обыденной речи аббревиатуры: *СМИ*, *МКАД*, *НАТО*, *ООН*, *VIP*, *СВО*, *СМС*, *ОБСЕ*, *ЕС*, *IT*, *PR* и мн.др. Некоторые из них, адаптируясь, начинают продуцировать производные, образуют словообразовательные гнезда. Так, от *МКАД* был образован универбат *замкадье* (← ‘территория за МКАД, за пределами Москвы, как правило, густонаселенная приежжими, мигрантами’), откуда *замкадовцы*. Постепенно ассимилируясь в русском языковом пространстве, аббревиатура *VIP* создала широкую сеть композитов (*VIP-клиент*, *VIP-обслуживание*, *VIP-зал*, *VIP-зона*, *VIP-места* и т.д.), а затем начала функционировать в качестве самостоятельного существительного со свойственными ему грамматическими характеристиками, постепенно «обрастая» дериватами: *вип*, *випы*, *виповский* и др. Подобно этому самостоятельным субстантивом стала и аббревиатура *PR*, образовав обширное словообразовательное гнездо: *пиар*, *антипиар*, *самопиар*, *пиарицик*, *пиаровский*, *пиариться*, *распиарить*, *пропиарить*, *распиаренный* и др.

«Интернет-коммуникация выработала собственные аббревиатуры, понятные пользователям Сети: *кмк* (как мне кажется), *имхо* (по моему скромному мнению), *ЗЫ* (*PS*, *постскриптум*) и т.д.» (Иванова, Клушина, 2021: 374).

В большом количестве наблюдаются и так называемые квазикомпозиты. Исследователи отмечают случаи возникновения в языках под влиянием английского новых слов-псевдоанглицизмов (Клобуков, Гудилова, 2001), даже целых моделей, которых нет в английском языке, но которые помогают компактно номинировать какие-либо явления, напр., с элементом *-ман* — для компактной номинации людей, пристрастившихся к чему-либо, имеющих какую-либо зависимость: *наркоман* ‘человек, потребляющий наркотики’, *гаджетоман* ‘любитель приобретать технические новинки’, *игроман* ‘любитель компьютерных игр’, *интернетоман* ‘сидящий все время в интернете’, *кофеман* ‘любитель кофе’ и др., в чешском языке возникло даже *vajíčkomán* (от чеш. *vajíčko* ‘яичко’) ‘любитель бросать яйца в политиков для выражения к ним отрицательного отношения’.

Клиппинги (усечения)

К компрессивным явлениям относятся и сокращения, усечения слов (чаще всего существительных), замена длинного суффикса на более короткий или его элиминация. Это явление получило название *клиппинг* (от англ. *clipping* ‘отсечение, обрезание’, англ. *clip* ‘отсекать, обрезать’). «В англоязычной и немецкоязычной коммуникации, как правило, усекается финальная часть слова (*exam* — *examination*, *add* — *address*, *celeb* — *celebrity*, *gym* — *gymnasium*, *doc* — *doctor*, *info* — *information*, *bro* — *brother*, *demo* — *demonstration*, *auto* — *automobil*, *foto* — *fotografie*), и такие усечения называют конечными» (Володина, 2012: 55). Большинство из них известны также в русском и в других славянских языках (Šimandl, 2013). В русской интернет-коммуникации активно функционируют и собственные сокращения: *мне нра* (вместо *мне нравится*), *Спсб* (вместо *спасибо*), *прив* (от *привет*), *спок* (от *спокойной ночи*) (примеры: Иванова, Клушина 2021: 374).

Описанная тенденция находит широкую реализацию в современном русском языке (Николина, 2021), в частности, в виде образования сокращенных субстантивов, нередко осложненных суффиксацией: рус. *объява* (← *объявление*), *отмыв* (← *отмывание*), *профи* (← *профессионал*), *инфо* (← *информация*), *комп* (← *компьютер*), *коммент* (← *комментарий*), *игнор* (← *игнорирование*), *контрнаступ* (← *контрнаступление*), *фото / фотка* (← *фотография*), *ревак* (← *ревакцинация*), *рега* (← *регистрация*), *варик* (← *вариант*), *диста* (← *дистанционное обучение*) и т.п. Встречаются примеры функционирования усечений и от прилагательных: рус. *жесть* ‘нечто жестокое, неприятное, тяжелое, страшное’, *глянец* ← *глянцевый журнал*, *плазма* ← *плазменный телевизор*. В случае с образованием субстантива на основе прилагательного «определяющее словосочетание превращается в однословную номинацию, совпадающую с основой слова-определения» (Норман, 2021: 88).

Близкой клиппингу является деривация с нулевой аффиксацией. Бессуффиксный способ образования существительных от глаголов в целом характерен для славянского словообразования, и тому можно привести множество примеров. «Различия по славянским языкам в использовании данного способа издавна были связаны прежде всего с тем, на базе каких глаголов осуществляется подобное словопроизводство: приставочных или бесприставочных»

(Маркова, 2012: 320). В чешском и словацком языках подобные короткие существительные чаще всего образуются от приставочных глаголов, напр., чеш., словц. *lov* ‘охота’ от *lovit* ‘ловить, охотиться’, чеш. *kiks* от глагола *kiksnout* ‘проколоться’, словц. *hrýz* ‘укус’ от глагола *hrýzt* ‘грызть, кусать (яблоко)’ (популярным сейчас в Словакии является плакат, рекламирующий фастфуд, с надписью: *Láska na prvý hrýz* ‘Любовь с первого укуса’) и др.

В русском языке продуктивным было всегда образование подобных номинантов от приставочных глаголов, о чем свидетельствуют и современные дериваты: *наезд* ‘претензия’ (от глагола *наезжать*), *прикид* ‘одежда’ (от глагола *прикинуться* ‘одеться’), *замот* ‘многочисленные дела’ (от глагола *замотаться*), *обвал* ‘падение’ (от глагола *обвалиться*, не только в значении стихийного бедствия, но и финансового явления), *прокол* ‘неудача’ (от глагола *проколоться* ‘попасться на чем-л.’), *прикол* ‘шутка’ (от глагола *приколоться* ‘пошутить’), его синоним *отжиг* (от глагола *отжигать*), *прорыв* ‘разрушение препятствия на пути к чему-л.’ (от глагола *прорваться*), *перекос* ‘нарушения в работе’ (от глагола *перекосить* в значении ‘нарушить’), отадъективное *беспредел* во вторичном значении ‘беззаконное действие или положение дел’ (от прилагательного *беспредельный* в значении ‘не ограниченный какими-л. законами’) и т.п.

Повышенную продуктивность подобного способа деривации в последнее время в русском и других славянских языках можно объяснить и воздействием перечисленных выше факторов, в т.ч. и влиянием английского словопроизводства, приоритетности в нем конверсивного, не опосредованного какими-либо формантами, способа.

Универбация в аспекте компрессионного словопроизводства

К явлениям компрессии лексико-синтаксического характера относится универбация, сутью которой является образование однословного наименования на базе словосочетания, сопровождаемое семантической конденсацией и оформленное чаще всего с помощью суффикса (Янко-Триницкая, 2001; Устименко, 2007; Дозорова, 2015 и др.). При этом один из компонентов словосочетания становится производящей основой для производного слова, а другой компонент элиминируется. Универбация — «тенденция, заключающаяся в том, что цельный, не расчлененный на отдельные составляющие объект и обозначаться должен «цельно», нерасчлененно, а не сочетанием слов» (Дьяков, 2015: 310). Большинство лингвистов рассматривают в качестве результата универбации только имена существительные, и таких примеров очень много², причем они все время пополняются новым материалом: в связи с распространением коронавирусной инфекции возникли такие неодериваты, как *побочка* ← *побочный эффект*, *удаленка* ← *удаленная работа*, *иммунка* ← *иммунная система*, *дистанционка* ← *дистанционная работа*, *атипичка* ← *атипичная пневмония*, последние события породили универбаты *беспилотник* (от *беспилотное устройство*), *населенник* (от *населенный пункт*) и др.

² См. словарь Клименко Г.В., Маркова Е.М. Словарь универбатов современного русского языка. М. : Прометей, 2019.

При этом в разных языках новообразования различаются суффиксальными приоритетами: в русском языке наиболее типичны для универбатов суффиксы *-к(а)-*, *-ик-*, *-ник-* (см. примеры выше, а также рус. *айтишник* ← *специалист по ИТ*), за редким исключением другие суффиксы, напр. *-як-*, *-ух-*: *головняк* ‘неприятность, затруднение, лишняя забота’ (из сочетания *головная боль*), *заказуха* (из *заказное дело*). В чешском продуктивны суффиксы *-ák*, *-ář/ař*, *-áč*, напр.: чеш. *ajťák* ‘специалист по ИТ, айтишник’, чеш. *kovid’ák / covid’ák* ‘заболевший ковидом’, чеш. *popkornář* ‘любитель попкорна при просмотре легких фильмов’, чеш. *selfičkář/ař* ‘любитель делать селфи’, чеш. *sekáč* ‘секонд хенд’ (рус. вариант *сеушка*) и т.д. (примеры из: Nekula, 2017).

Наиболее частотными суффиксами словацких универбатов являются *-ák* и *-к(а)*, что свидетельствует о некотором промежуточном положении словацкого языка между чешским и русским в плане использования словообразовательных средств, сопровождающих стяжение: *symfoňák* ‘симфонический оркестр’, *vodičák* ‘водительские права’ (из *vodičský preukaz*); *poist’ovák* ‘страховой агент’ (из *poist’ovací agent*); *dopravák* ‘полицейский на дороге, гаишник’ (*dopravný policajt*), *automobilka* ‘автомобильная фирма’, *zjazdovka* ‘лыжный склон’, *osudovka* ‘роковая любовь’ (из слвц. *osudná laska*), *digitálky* ‘цифровые часы’ (из *digitálne hodinky*); *prezenčka* ‘список присутствующих’ (из *prezenčná listina*); *prijímačky* ‘вступительные экзамены’ (*prijímacie skúšky*) и многие другие (примеры из: Palkova, 2018; Norecký et al., 1989: 300–301; Маркова, Григорянова, 2016).

Встречаются и случаи полного совпадения по форме и значению русских и словацких универбатов, напр., рус. *кредитка* — слвц. *kreditka* ‘кредитная карточка’; рус. *лаковки* — слвц. *lakovky* ‘лакированные туфли’. Но чаще таким образом возникают межъязыковые омонимы — изоморфные лексемы с разной семантикой: рус. *боксерки* ‘боксерские ботинки’ — слвц. *boxérky* ‘мужское нижнее белье’; рус. уст. *вечерка* ‘вечерняя газета’ — слвц. *večierka* ‘ночной продуктовый магазин’; рус. *электронка* ‘электронная почта’ — слвц. *elektrónka* ‘электронная лампа’; рус. *социалка* ‘социальные услуги’, ‘социальное пособие’ — слвц. *sociálka* ‘центр социального обеспечения’. Таким образом, универбация является одним из источников образования межславянских омонимов.

В сферу универбации вовлекаются и глагольно-именные сочетания, результатом стяжения которых становятся однословные глагольные наименования, образованные «путём аффиксальной деривации от прямого или косвенного дополнения в глагольном словосочетании» (Романов, 2015: 117–118). Хотя глагольная универбация признается не всеми лингвистами, но по сути она ничем не отличается от именной. «Универбализованная глагольная номинация позволяет объективировать целую ситуацию, причём отразить её часто в динамике, в компактной языковой форме запечатлеть процесс, выразив при этом субъективное отношение говорящего к нему» (Маркова, 2023: 63), например: *кэшбэчить* (← *получать кэшбэк*) (напр., в рекламе МТС: «Кэшбэч во всем!»), *мониторить* (← *проводить мониторинг*), *шашлычить* (← *делать шашлыки*), *жюриить* (← *работать в жюри*), *премьерить* (← *ставить премьеру*), *пенсионерить* (← *быть пенсионером, проводить время на пенсии*), *засувенирить* (← *взять что-л. из отеля в качестве сувенира*), *волонтерить*

(← *быть волонтером*), *карантинить* (← *сидеть на карантине*), *ковидеть* (← *болеть ковидом*), *стрессовать* (← *испытывать стресс*), *блондинничать* (← *включать блондинку*, т.е. ‘глупить, тупить’, ‘медленно соображать’), *закошмарить* (← *ввести человека в состояние кошмара*), *паутинить* (← *набрасывать паутину*, т.е. ‘темнить, давать ложную или запутанную, непонятную информацию’) и т.п.

Этот способ глагольного словообразования получил в последние годы большое распространение в русском языке. Популярными в политической, журналистской среде, языке рекламы стали глагольные универбаты *финализировать* (← *осуществлять финал*), *педалировать* ‘ускорять’ (← *нажимать на педаль газа*) (Маркова, 2023). В качестве новых окказиональных глагольных дериватов можно привести глагол *гельментироваться* (← *проникнуть подобно гельментам*, ср. «Гельментировались» внутри правительственной элиты»), а также *спецоперироваться* (← *участвовать в спецоперации*) и др.

Национальная специфика может проявить себя в том, что объективация какого-л. действия в разных языках может происходить при помощи разных лексем, отражающих разный способ его осуществления. Так, используемый в русской речевой среде глагол *галкнуть* (← *поставить галочку* в анкете) имеет смысловой и деривационный эквивалент *zakružkovat'* (← *обвести кружком*) в словацком языке, так как «в словацкой культуре принято обводить «кружком» выбранный в каком-либо перечне элемент» (Маркова, 2023: 67).

Семантическая конденсация как проявление компрессии

Семантическую конденсацию, т.е. вторичное использование языкового знака с другим, переосмысленным, значением, также можно отнести к явлениям языковой компрессии. Активизация этого способа словопроизводства в наши дни происходит опять-таки не без влияния английского языка, который предпочитает обходиться без использования деривационных средств в силу их ограниченного состава.

Не повторяя материал других исследователей (напр., Иванова, Клушина, 2021; Шмидт, 2023 и др.), приведем некоторые примеры семантических новаций. Новое значение приобрело в период пандемии коронавируса рус. *бустер* (чеш., словц. *booster* — ‘дополнительная доза вакцины’). Появились в молодежном общении и новые, метафорические, значения у русского универбата *токсик* [← уст. 1) ‘токсичное вещество’; 2) ‘человек, принимающий токсичные вещества, токсикоман’]; совр. 1) неодобр. ‘токсичный человек: человек, вызывающий раздражение, неприятный, морально истощающий собеседника’; 2) неодобр. ‘что-то неприятное, неинтересное (фильм, мероприятия, лекции)'] (Дмитриева, 2024: 20). В связи с популярностью скандинавской ходьбы слово *ходок*, наряду с известными значениями ‘проситель’ («Ходоки у Ленина») и ‘мужчина, любящий ходить налево’ («Да ты ходок!»), получило значение ‘тот, кто ходит с палками’ («Такие палки подойдут для всех *ходоков*»). Иногда, чаще всего с целью языковой игры, сочетаются разные способы компрессии формы и семантики, как в случае со словом *рубанок* ‘человек, легко *врубающийся* во что-л., быстро соображающий’, имеющим отношение

не только к глаголу *врубаться*, известному в сленге в значении ‘понимать, схватывать, соображать’, но и к повторному использованию существительного *рубанок*, первичное значение которого — ‘режущий инструмент’.

Заключение

Рассмотренный материал демонстрирует растущую продуктивность и разнообразие компрессионных способов словопроизводства, вызванных к жизни усилением тенденции к минимизации языковых усилий и языковой продукции. Во многом рост компрессивов связан не только с ускоряющимся темпом жизни, но и с глобальным влиянием английского языка: его односложных лексем, заимствуемых вместо собственных составных или описательных наименований, предпочтительных способов словообразования (конверсия, универбация, словосложение), деривационных тенденций (тенденцией к клиппингу, усечению, стяжению). В проникновении неодериватов в повседневную речь значительную роль играют средства массовой информации, интернет-общение, мобильная связь с их повышенной информативностью, стремлением выразить с помощью минимума средств максимум содержания, включив в него и свое отношение к сообщаемому.

Компрессия средств общения в эпоху ускорения ритма жизни является универсальным явлением, о чем свидетельствуют сравнения русских компрессивов с их славянскими вариантами. Анализ основных проявлений этого процесса в русском языке дает основание говорить о нем как одном из ведущих механизмов современного русского словопроизводства и одновременно, благодаря сравнительному славянскому материалу, как о важном факторе языковой конвергенции славянских языков. Исследование особенностей словопроизводства современной русской речи на фоне других славянских языков помогает выявить универсализм (всеобщий характер компрессивного словообразования в разных его формах) и специфику рассматриваемых неологических процессов (в использовании деривационных формантов, характере производящей основы, формировании смысловой структуры неодеривата), осознать явления, происходящие в современном русском языке, в русле развития общеславянского языкового единства.

Список литературы

- Володина К.А. Словообразовательные средства, реализующие принцип экономии в рамках англоязычного и немецкоязычного текстинга // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2012. № 6. С. 54–57.
- Дмитриева С.О. Динамика молодежного сленгового лексикона : лингвосоциокультурологический и лексикографический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2024. 24 с.
- Дозорова Д. Тематические сферы употребления универбатов в современной русской речи // Вестник МГОУ. 2015. № 1. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2015-1-1030>
- Дьяков А.И. Статика и динамика англицизмов в системе русского языка : многоаспектное лингвистическое моделирование : дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2015. 444 с.
- Иванова М.В., Клушина Н.И. Русский язык в современном интернет-пространстве : динамические процессы и тенденции развития // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 367–382. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382>

- Иценко И.Г.* Компрессивное словообразование в современном английском языке // Вестник АмГУ. 2020. № 90. С. 96–100.
- Клобуков Е.В., Гудилова С.В.* Языковая специфика непроемких сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 20. М. : МАКС Пресс, 2001. С. 12–25.
- Лимарова Е.В., Сон Л.П.* Интернет-сленг : словообразовательные процессы (на материале английского и русского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 4. С. 111–119.
- Малинина И.А.* Конверсионное образование новых лексических единиц // Молодой ученый. 2011. Т. 2. № 10. С. 21–23.
- Маркова Е.М.* Глагольная универбация как одна из современных деривационных тенденций // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. № 1. С. 61–71. [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1\(6\)-61-71](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1(6)-61-71)
- Маркова Е.М.* Закон экономии языковых средств в аспекте языковой конвергенции современных славянских языков // Рациональное и эмоциональное в русском языке : межд. сб. научн. трудов. М. : МГОУ, 2012. С. 318–322.
- Маркова Е.М., Григорянова Т.* Динамические аспекты лексики современных славянских языков. Врно : Tribun EU, 2016. 187 с.
- Маршева Л.И.* Тенденции к аналитизму, или предпосылки? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2004. № 2. С. 49–59.
- Нещипенко Г.П.* Словообразование разговорного языка в свете тенденции языковой экономии (на материале русского и чешского языков) // Wortbildung : interaktiv im Sprachsystem : Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim internationalen Slawistenkomitee. Innsbruck, 2000. С. 253–270.
- Николина Н.А.* Типы дериватов-усечений в современной русской речи // Русский язык в школе. 2021. № 3. С. 69–74. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-3-69-74>
- Норман Б.Ю.* О семантико-синтаксическом стяжении, или Что мы имеем в виду, когда не говорим что-то вслух? // Русский язык в школе. 2021. № 1. С. 86–91. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-1-86-91>
- Петрухина Е.В.* Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование. М. : Филол. факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. С. 424–443.
- Плетнева Н.В.* О причинах образования сокращенных лексических единиц // Текст в культурно-историческом контексте : сб. науч. тр. Екатеринбург : Урал. унт-т, 2005. С. 104–108.
- Рацибурская Л.В., Жданова Е.А.* Специфика русских медийных новообразований в отражении социальных реалий // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 446–480. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480>
- Романов Ю.А.* Универбация на основе глагольных словосочетаний в английском и русском языках // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія. Філологія. 2015. Т. 18. № 2. С. 117–120.
- Северова Н.В.* Сокращения как продуктивный путь пополнения вокабуляра современных языков // Вестник Донецкого педагогического института. 2018. № 4. С. 149–155.
- Смирницкий А.И.* Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностранные языки в школе. 1953. № 5. С. 21–31.
- Устименко И.А.* Явление семантической конденсации в русском словообразовании : пособие к спецкурсу «Актуальные проблемы современного словообразования». Белгород : БелГУ, 2007. 130 с.
- Черчук О.И.* Заимствования в современном чешском языке : дис. ... канд. филол. наук. М. : МГУ, 2023. 227 с.
- Шмидт Е.С.* Новые заимствования как элементы лексики русского языка: системный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 494. С. 53–59. <https://doi.org/10.17223/15617793/494/6>
- Янко-Триницкая Н.А.* Словообразование в современном русском языке. М. : Индрик, 2001. 503 с.
- Bozděchová I.* Anglicismy v českém lexiku // Nový encyklopedický slovník češtiny / P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. 2017. URL : <https://www.czechency.org/slovník/ANGLICISMY%20V%20ČESKÉM%20LEXIKU>

- Děngeová Z. Internet a nová slovesná pojmenování // Proměna jazyka a jeho výzkumu v době nových médií a technologií / eds. Děngeová Z, Vališová P. Praha : Ústav pro jazyk český, 2015. S. 67–71. URL : <http://www.ujc.cas.cz/miranda2/export/sitesavcr/ujc/sys/galerie-download/sbornik/brling>
- Furdík J. Integračné procesy pri lexikálnych prevzatiach // Život so slovotvorbou a lexikológiou. Košice : Vydavateľstvo LG. 2005. S. 373–380.
- Horecký J., Buzássyová K., Bosák J. a kol. Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. 1. vyd. Bratislava : VEDA, 1989. 436 s.
- Nekula M. Adaptace výpůjček // Nový encyklopedický slovník češtiny / Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. 2017. URL : <https://www.czechency.org/slovník>
- Palková L. Univerbizácia v slovenčine. Prešov : FF PU v Prešove, 2018. 249 s.
- Šimandl J. Mechanické kráčení a mechanické skládání ; blending // Blagoeva D., Kolkovska S., Lišková M. Problemi na neologijata v slavjanskite ezici. Vol. 6. Sofija : Akademično izdatelstvo «Prof. Marin Drinov», 2013. S. 109–119. URL: <http://lexiko.ujc.cas.cz/index.php?page=14&idStudie=48>

Сведения об авторе:

Маркова Елена Михайловна, доктор филологических наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, профессор кафедры русского языка как иностранного, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Российская Федерация, 119071, г. Москва, ул. Малая Калужская, д. 1; профессор кафедры романских и славянских языков факультета прикладных языков, Экономический университет в г. Братиславе, Словацкая Республика, 85235, г. Братислава, ул. Дольноземска, д. 1. *Научные интересы*: сопоставительная славянская лексикология, словообразование, методика преподавания РКИ, лингвокультурология, тенденции развития современного русского языка. ORCID: 0000-0001-6620-1567. SPIN-код: 6343-8410. E-mail: elena-m-m@mail.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391

EDN: SMXPSU

Research article

Language form compression in modern Russian speech

Elena M. Markova

The Kosygin State University of Russia, *Moscow, Russian Federation*
University of Economics in Bratislava, *Bratislava, Slovak Republic*
✉ elena-m-m@mail.ru

Abstract. Compressive word formation results from the active tendency to save speech effort and, accordingly, to save linguistic means, which makes its research relevant. At the lexical level, the principle of economy is realized in constriction, truncation, semantic condensation, i.e. processes based on reduction, minimization of structures. The aim of the study is to identify and fix the manifestations of this tendency in modern Russian speech, to generalize the ways of linguistic compression as mechanisms of its representation, to establish their universality and specificity in the Russian language in the pan-Slavic context. The research material is Internet resources, dictionaries of neologisms, the Russian national corpus, the speech of young people. The material was analyzed with both general scientific (relevant material collection, observation, analysis, systematization, description, interpretation), and linguistic methods (methods of word-formation, component, contextual, comparative analysis; structural-semantic method; method of modeling the derivational basis). Among extralinguistic and linguistic reasons for active compression word production, the author points out the influence of the English language as the most important factor, acting both as a donor of short lexical units and as a translator of derivation methods and mechanisms. Among the compression phenomena in modern speech, the article considers such

phenomena as borrowings, collocations, composites, clipping, derivation with zero affixation, univerbation, semantic condensation. It is revealed that form compression not only strengthens its communicative function, but also, due to the pragmatic possibilities of the compression, increases its emotional-evaluative and relational functions. The analysis of the main manifestations of form compression in modern Russian speech allows us to conclude that they are universal, but at the same time have some specific features due to the specific national derivational system.

Key words: word formation, contraction, truncation, univerbation, the Russian language, universals, linguistic specificity

Conflict of interests. The author declares no conflict of interests.

Article history: received 05.02.2024; accepted 11.04.2024.

For citation: Markova, E.M. (2024). Language form compression in modern Russian speech. *Russian Language Studies*, 22(3), 375–391. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-375-391>

References

- Bozděchová, I. (2017). Anglicisms in the Czech lexicon. In P. Karlík, M. Nekula & J. Pleskalová (Eds.), *New encyclopedic dictionary of Czech*. Retrieved from: <https://www.czechency.org/slovník/ANGLICISMY%20V%20ČESKÉM%20LEXIKU>
- Cherchuk, O.I. (2023). *Borrowings in the modern Czech language*. (Candidate dissertation, Moscow). (In Russ.).
- Děngeová, Z. (2015). Internet and new verbal naming. *Change of language and its research in the age of new media and technologies* (pp. 67–71). Prague: Czech Language Institute. Retrieved from: <http://www.ujc.cas.cz/miranda2/export/sitesavcr/ujc/sys/galeriedownload/sbornik/brling.pdf>
- Dmitrieva, S.O. (2024). *Dynamics of the youth slang lexicon: Linguo-sociocultural and lexicographic aspects*. [Author's abstr. dr. philol. diss.]. Kaliningrad. (In Russ.).
- Dozorova, D. (2015). Thematic spheres of univerbs usage in modern Russian speech. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, (1). (In Russ.). <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2015-1-1030>
- Dyakov, A.I. (2015). *Statics and dynamics of Anglicisms in the Russian language system: Multi-dimensional linguistic modeling*. (Candidate dissertation, Omsk). (In Russ.).
- Furdík, J. (2005). Integration processes in lexical acquisitions. *Life with word creation and lexicology* (pp. 373–380). Košice: LG Publishing House.
- Horecký, J., Buzássyová, K., Bosák, J. et al. (1989). *Dynamics of the vocabulary of contemporary Slovak*. Bratislava: VEDA Publ.
- Ivanova, M.V., & Klushina, N.I. (2021). Russian language in the modern Internet space: dynamic processes and development trends. *Russian Language Studies*, 19(4), 367–382. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382>
- Ishchenko, I.G. (2020). Compressive word formation in modern English. *Bulletin of Amur State University*, (90), 96–100. (In Russ.).
- Klobukov, E.V., & Gudilova, S.V. (2001). Linguistic specificity of non-derivative compound words (quasi-composites). *Language, consciousness, communication*, (20), 12–25. (In Russ.).
- Limarova, E.V., & Son, L.P. (2018). Internet slang: word formation processes (based on the material of English and Russian languages). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (4), 111–119. (In Russ.).
- Malinina, I.A. (2011). Conversion formation of new lexical units. *Young scientist*, 10(2), 21–23. URL: <https://moluch.ru/archive/33/3742> (In Russ.).
- Markova, E.M. (2023). Verbal univerbation as one of the modern derivational trends. *VERBA. Northwestern Linguistic Journal*, (1), 61–71. (In Russ.). [https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1\(6\)-61-71](https://doi.org/10.34680/VERBA-2023-1(6)-61-71)
- Markova, E.M. (2012). The law of economy of linguistic means in the aspect of linguistic convergence of modern Slavic languages. *Rational and emotional in the Russian language* (pp. 318–322). Moscow: MGOU Publ. (In Russ.).
- Markova, E.M., & Grigoryanova, T. (2016). *Dynamic aspects of the vocabulary of modern Slavic languages*. Brno: Tribun EU Publ. (In Russ.).

- Marsheva, L.I. (2004). Trends towards analyticism, or prerequisites? *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo Gumanitarnogo Universiteta*, (2), 49–59. (In Russ.).
- Neshchimenko, G.P. (2000). Word formation of the spoken language in the light of the trend of language economy (based on the Russian and Czech languages). *Wortbildung: Interaktiv im Sprachsystem. Materialien der 3. Konferenz der Kommission für slawische Wortbildung beim internationalen Slawistenkomitee* (pp.253–270). Innsbruck. (In Russ.).
- Nekula, M. (2017). Adaptation of loans. *New encyclopedic dictionary of Czech*. In Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. Retrieved from: <https://www.czechency.org/slovník/>
- Nikolina, N.A. (2021) Types of derivatives-truncations in modern Russian speech. *Russian Language at School*, (3), 69–74. (In Russ.).
- Norman, B.Yu. (2021). About semantic-syntactic contraction, or What do we mean when we don't say something out loud? *Russian Language at School*, 82(1), 86–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2021-82-1-86-91>
- Palková, L. (2018). *Univerbization in Slovak*. Prešov: FF PU in Prešov.
- Petrukhina, E.V. (2010). Possibilities, functions, and competitors of word production in the modern Russian language. *New phenomena in Slavic word formation: System and functioning* (pp. 424–443). Moscow: MSU Press Publ. (In Russ.).
- Pletneva, N.V. (2005). On the reasons for the formation of abbreviated lexical units. *Text in cultural and historical context* (pp. 104–108.). Ekaterinburg: Ural Univ. Publ. (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L.V., & Zhdanova, E.A. (2021). Specificity of Russian media new formations in the reflection of social realities. *Russian Language Studies*, 19(4), 446–480. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2021-19-4-466-480>
- Romanov, Yu.A. (2015). Univerbation based on verb phrases in English and Russian. *International Humanitarian University Herald. Philology*, 18(2), 117–120. (In Russ.).
- Severova, N.V. (2018). Abbreviations as a productive way to replenish the vocabulary of modern languages. *Bulletin of Donetsk National University*, (4), 149–155. (In Russ.).
- Shmidt, E.S. (2023). New borrowings as elements of Russian vocabulary: A systemic aspect. *Tomsk State University Journal*, (494), 53–59. <https://doi.org/10.17223/15617793/494/6> (In Russ.).
- Šimandl, J. (2013). Mechanical shortening and mechanical folding; blending. *Problems of neology in the Slavic language*, (6), 109–119. Retrieved from: <http://lexiko.ujc.cas.cz/index.php?page=14&idStudie=48>
- Smirnitsky, A.I. (1953). The so-called conversion and alternation of sounds in the English language. *Foreign languages at school*, (5), 21–31. (In Russ.).
- Ustimenko, I.A. (2007). *The phenomenon of semantic condensation in Russian word formation*. Belgorod: BelGU Publ. (In Russ.).
- Volodina, K.A. (2012). Word-formation means that implement the principle of economy within the framework of English and German texting. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series "Linguistics"*, (6), 54–57. (In Russ.).
- Yanko-Trinititskaya, N.A. (2001). *Word formation in modern Russian*. Moscow: Indrik Publ. (In Russ.).

Bio note:

Elena M. Markova, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Kosygin State University of Russia, 1 Malaya Kaluzhskaya St, Moscow, 119071, Russian Federation; Professor of the Department of Romance and Slavic Languages of the Faculty of Applied Languages, University of Economics in Bratislava, 1 Dolnozemska, Bratislava, 85235, Slovak Republic. *Research interests*: lexicology and semasiology, word formation, Slavic languages, methods of teaching Russian as a foreign language, cultural linguistics, trends in modern Russian language development. ORCID: 0000-0001-6620-1567. SPIN-code: 6343-8410. E-mail: elena-m-m@mail.ru